

САКРАЛЬНАЯ РИЗОМА ПОЭЗИИ В СТАТЬЯХ К.Д. БАЛЬМОНТА И С.А. ЕСЕНИНА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

© 2022 М.А. Дударева¹, Д.А. Арипова²

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,
доктор культурологии,*

*доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка,
заведующий отделом литературоведения и межкультурной коммуникации*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Арипова Дарья Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностраных языков №2 Института лингвистики и межкультурной коммуникации*

E-mail: aripovad@mail.ru

¹Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

²Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Статья поступила в редакцию 20.06.2022

Объектом статьи выступает феномен ризомы поэзии, который обладает качествами апофатичности. Предметом исследования является апофатика поэзии. Материалом для статьи служат известные трактаты об искусстве двух представителей Серебряного века — К.Д. Бальмонта и С.А. Есенина. В центре культурфилософского анализа — взаимодействие Логоса и молчания, феноменального и ноуменального, рационального и дорационального в трактатах поэтов «Поэзия как волшебство» и «Ключи Марии». Большое внимание уделяется проблеме метафизики творчества, его апофатической стороне в русском космо-психо-логосе, что имеет большое значение для понимания онтологических вопросов творчества писателей. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу, направленному на высвечивание культурного потенциала данных художественных текстов, что позволяет культурологически описать важность поэтического слова для русского человека, углубиться в понимание национального бытия. Большое внимание уделяется сопоставлению двух трактатов об искусстве в фольклорно-мифологическом аспекте, написанных поэтом-символистом и поэтом-имажинистом в одно время. Результаты работы могут быть интересны историкам литературы, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии.

Ключевые слова: русская культура и литература, апофатика, ризома, сакральный текст культуры, творчество К. Бальмонта, трактат «Ключи Марии» С. Есенина, онтологический

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-47-51

Введение. В истории русской литературы есть такие имена, которые сопоставлять сложно. Некоторые поэты притягиваются друг к другу, «духовно угадывают» друг друга (так, К.Д. Бальмонт писал об А.П. Чехове, применяя к нему понятие «духовное гадание» [1, с. 304]). М. Цветаева объединяла поэтов в пары, сравнивая творческие миры немецких и русских художников слова: «Парные имена не новость: Гёте и Шиллер, Байрон и Шелли, Пушкин и Лермонтов. Братственность двух сил, двух вершин. И в этой парности тайны никакой» (это выражение парности было уловлено изначально лингвистами [4, с. 5]). К. Бальмонт и С. Есенин, представители разных

эстетических систем, символизма и имажинизма, на первый взгляд, объединены только *некалендарным* XX в. (выражение А.А. Ахматовой из «Поэмы без героя»), влиты в эон исчерпавшего себя Нового времени. Но эонически, культурологически этого много, если мы размышляем об их взглядах на творчество, на сущность поэзии. К. Бальмонт представил свои корневые суждения о поэзии и ее связи с миром, назначением человека на земле в трактате 1915 г. «Поэзия как волшебство», который является, на наш взгляд, ключевым для понимания его собственной поэтики в имманентном отношении. Такой *ключ* к творчеству находим и у С. Есенина — в трактате 1918 г. «Ключи Марии»,

который необходим исследователям для осмысления «ангелической» теории образа поэта и ее проявления в его поэтике [7, с. 69].

История вопроса. В гуманитарной науке предпринимались попытки сопоставления двух поэтических систем, бальмонтовской и есенинской, несмотря на некоторую враждебность новокрестьянского поэта по отношению к представителю символизма. Так, есениновед Н.И. Шубникова-Гусева в своей работе «Есенинская азбука, или “Алфавит непрочитанной грамоты”», размышляя о понимании С. Есениным сущности поэзии, замечает, что поэт хорошо был знаком с трактатом К. Бальмонта «Поэзия как волшебство», без которого нельзя в полной мере понять есенинскую концепцию национального алфавита [12, с. 20]. На одной из последних бальмонтовских конференций в городе Шуе, на родине поэта, ставших уже классическими, в докладе А.А. Николаевой «Константин Бальмонт как персоналия “Есенинской энциклопедии”» также шла речь о возможном сопоставлении поэтических трактатов С. Есенина и К. Бальмонта, которое продуктивно для понимания поэтики обоих.

Назрела необходимость сравнить философские размышления двух поэтов о поэзии, поскольку в обоих трактатах наблюдается много общего, что оказывается важным с культурфилософской позиции восприятия нашего космопсихо-логоса. Здесь стоит ввести это понятие культуролога Г.Д. Гачева [5], так как в данной триаде в отечественном национальном варианте заложены корневые вещи для понимания русской топики: апофатична русская равнина, которая по своей природе не топографична, а географична, по мысли В.П. Океанского [9, с. 241]. К.Д. Бальмонт в своем трактате указывает на бескрайность русской равнины и сравнивает ее с *мыслью*, что оказывается онтологически важным: «...громовые тучи и громады гор, неоглядность равнины и беспредельность мысли, грозы в воздухе и бури в душе, оглушительный гром и чуть слышный ручей, жуткий колодец и глубокий взгляд, — весь мир есть соответствие...» [2, с. 23]. *Горизонтальный космос* можно одолеть, объять только мыслью, нерожденным Логосом, в молчании (см. последнюю строфу из «Зимней дороги» А.С. Пушкина — «дремля смолкнул мой ящик», к ней обраща-

ются культурологи В.П. и Ж.Л. Океанские в работе, посвященной диалогу звезд в творчестве А.С. Пушкина и К.Д. Бальмонта, акцентируя внимание на феномене молчания в русской культуре [10]). И сам К. Бальмонт пишет, что мысль есть Бог: «...источник всякой мысли — есть Бог» [2, с. 79].

Но как преодолеть эту равнинность, которая выполняет функции пространства смерти, инициации, перехода в русской топике? Россия ли-тературоцентричная страна, где литература одной из первых транслирует культурные смыслы, являясь частью *текста культуры*, который поддается герменевтической реконструкции. Через Логос русский человек разрешает корневые вопросы бытия, *проклятые* вопросы; в России разговор, застольная беседа — сакральное действие, «обнажение души», заменяющее «телесно-эротическую каму индусов» [6, с. 97]. Но Логос, особенно поэтическое слово, апофатично, ризомно мерцает в профанной длительности бездуховного времени. Ризому мы понимаем как сакральную реальность, иерофанию, в терминологии М. Элиаде [13, с. 17], которая открывается человеку в определенный поворотный момент годового цикла / жизни: «Человек узнает о священном потому, что оно *проявляется*, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. <...> Пожалуй, история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание иерофаний, проявлений священных реальностей» [Там же]. Современный лингвист Л.Н. Синельникова так определяет онтологическую сущность ризомы: «Мир-ризома — это мир ускользания, дающий неограниченную возможность для новых конфигураций слов, образов, смыслов» [11, с. 807]. Но и мир поэзии тоже ризомен, поскольку ее смысл открывается апофатически.

Методы исследования. Изучение феномена ризомы, под которым в данной статье мы понимаем проявление сакральной сущности поэзии, требует онтогерменевтического прочтения поэтических, культурфилософских трактатов «Поэзия как волшебство» К. Бальмонта и «Ключи Марии» С. Есенина, культурологического анализа феномена апофатики в творчестве указанных поэтов, связанного с феноменом молчания.

Результаты исследования. Возвращаясь к диалектической триаде Г.Д. Гачева и размышлениям об апофатике русской культуры, категории *непостижимого* в поэтическом слове, стоит сказать о втором элементе: апофатична русская Психея, то есть душа, которая выразилась в наших традициях, верованиях и обрядах, фольклоре с эйдологией «инога царства». Апофатична наша поэзия, которая дана нам *свыше*, как бы пролита из *мира невидимого* — в этом последнем сходятся и К. Бальмонт, и С. Есенин (кстати, у поэта А.М. Добролюбова есть фольклорно-поэтическая книга с характерным названием «Из мира невидимого», изданием которой в начале XX века занимался В.Я. Брюсов). Вернемся еще раз к вопросу, представляющему на языке онтологии *предельное* вопрошание, но все-таки требующему для современного человека, испытывающего постоянную жажду все объяснить, ответа: как преодолеть апейронность, апофатичность равнины, найти ориентиры в горизонтальном космосе России? Дерево — ориентир, Мировая ось в нашем поле, на пути былинного героя, который выбирает между тремя дорогами (архетипическая ситуация для нашего эпоса). Оба поэта приходят к мысли о рождении поэзии от дерева, о выражении поэзии в древе. К. Бальмонт: «Есть напевная чара в том, что из плоской земли вырвался возносящий ствол» [2, с. 38]. С. Есенин в «Ключах Марии» также отмечает: «Всё от древа — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим. Исследователи древнерусской письменности и строительного орнамента забыли главным образом то, что народ наш живет больше устами, чем рукою и глазом, устами он сопровождает почти весь фигуральный мир в его явлениях, и если берется выражать себя через средство, то образ этого средства всегда конкретен. То, что музыка и эпос родились у нас вместе через знак древа, — заставляет нас думать об этом не как о случайном факте мифического утверждения, а как о строгом вымерянном представлении наших далеких предков» [8, с. 190].

К. Бальмонт пишет о назначении слова для человека, указывая на апофатические основания поэзии, на ее *доначалие*: «Человеческая мысль черпает отовсюду незримое вещество очарования, призрачную основу колдовства, чтобы пропеть красивый стих» [2, с. 47]. С. Есенин также усматривает в орнаменте, словесном, вербальном и невербальном (вышивке, резьбе,

избяном орнаменте), *невидимые* знаки: «Первое, что внесли нам западные славяне, это есть письменность. Они передали нам знаки для выражения звука. Но заслуга их в этом небольшая. Через некоторое время мы нашли бы их сами, ибо у нас уже были найдены самые главные ключи к человеческому разуму, это — знаки выражения духа, те самые знаки, из которых простолудин составил свою избяную литургию» [8, с. 194]. Русская равнина — теогональна — поглощает путника, который должен ее преодолеть, поняв, что она отражение неба. К. Бальмонт настаивает на двойственности, которая необходима, но которую нужно преобразовать в единое: «Правое и левое, верх и низ, высота и глубина, небо вверху и море внизу, солнце днем и луна ночью, звезды на небе и цветы на лугу. <...> В этом мире, играя в день и ночь, мы сливаем два в одно, мы всегда превращаем двойственность в единство» [2, с. 22–26]. Это *апофатический момент* его размышлений, который невольно подводит исследователя культуры к мысли о парадигме «жизнь — смерть», взаимоотношениях Танатоса и Эроса. Но С. Есенин в трактате «Ключи Марии» открыто пишет о *посыле в смерть*: «Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть» [8, с. 190]. Пожалуй, это главное отличие этих поэтических вещей. Но вот что важно — оба автора подводят нас к мысли о *преображающей* силе Логоса.

К. Бальмонт пишет: «...чародеи своим словом и магическими своими действиями совершенствуют Природу и дают жизни красивый лик» [2, с. 59]. С. Есенин видит также именно в Слове преодоление смерти, проживание драмы-мистерии, пересказывая фольклорную историю о сестрах, погубивших девушку, из косточек которой выросла трава — дудочка — музыка — слово: «Происхождение музыки от древа в наших мистериях есть самый прекраснейший ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости... “Играй, играй, пастушок. Вылей звуками мою злую грусть. Не простую дудочку ты в руках держишь. Я когда-то была девицей. Погубили девицу сестры. За серебряное блюдечко, за наливчатое яблочко”. Здесь в одном образе тростинки слито три прозрения» [8, с. 190].

Выводы. Онтологический итог трактата К. Бальмонта «Поэзия как волшебство» — в напущении поэтам будущего: «Современный стих легко забывает, слишком часто не помнит,

что нужно быть как цветок, для того чтобы чаровать, корнями быть в темных глубинах внесознательного, долго быть в испытующих недрах Молчания, прежде чем, раскрыв свою чашу, быть влюбленным Луны и, главное, пламенником Солнца» [2, с. 167]. Есенинский лирический герой также учится *молчанью у звезды* (стихотворение 1917 года «Песни, песни, о чем вы кричите?»), находясь в поисках апофатических оснований Логоса. Оба философских поэтических трактата обладают большим культурным потенциалом для изучения апофатических оснований Логоса, поскольку и К. Бальмонт (поэтически), и С. Есенин (культурологически, через незримые знаки орнамента русской избы, вышивки на постельном и нательном белье) пришли парадоксальным образом к одному выводу

— настоящая поэзия «созревает» в молчании, ее можно постичь дорационально, что для исследователя означает *культурологически*. Речь идет в таких случаях, по замечанию авторов концепции *ноумена русской литературы*, о культурологических априори, которые «выступают по отношению к конкретным культурным практикам в качестве своего рода априорных условий, хотя это a priori не логические, а культурологические» [3, с. 250]. Именно с этих позиций мы ищем духовные точки сближения между К. Бальмонтом и С. Есениным, в биографическом отталкивании которых есть «духовное угадание», их поэзия и размышления о ней ризомно проявляются как сакральный текст русской культуры.

1. Бальмонт, К. Д. О русской литературе. Воспоминания и раздумья. 1892–1936. — М.: Алгоритм, 2007. — 431 с.
2. Бальмонт, К. Д. Поэзия как волшебство. — М.: РИПОЛ классик, 2020. — 206 с.
3. Богатырев, Д. К., Богатырева, Л. В. Ноумен русской классики // Вестник Русской христианской академии. — 2017. — Т. 18. — Вып. 3. — С. 245–263.
4. Боров, Ю. Б. Эстетика. — М.: Политиздат, 1988. — 496 с.
5. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс — Культура, 1995. — 480 с.
6. Гачев, Г. Д. Образы Индии. — М.: Наука, 1993. — 390 с.
7. Дударева, М. А. Культурно-цивилизационный феномен русской интеллигенции: от фольклора к литературе (на примере трактата С. Есенина «Ключи Марии») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2020. — Т. 72, № 22. — С. 67–71.
8. Есенин, С. А. Ключи Марии // Собр. соч.: в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1997. — Т. 5. — С. 186–213.
9. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 358 с.
10. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. «Млечная дорога» — от Пушкина к Бальмонту // Солнечная пряжа: научно-популярный и литературно-художественный альманах. — Шуя: Издательство Шуйского филиала ИвГУ, 2020. — Вып. 14. — С. 16–22.
11. Синельникова, Л. Н. Ризома и дискурс интермедальности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21, № 4. — С. 805–821.
12. Шубникова-Гусева, Н. И. Есенинская азбука, или «Алфавит непрочитанной грамоты» // Современное есениноведение. — 2017. — № 3 (42). — С. 16–21.
13. Элиаде, М. Священное и мирское. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 144 с.

SACRAL RHIZOME OF POETRY IN THE ESSAYS BY K.D. BALMONT AND S.A. YESENIN: CULTUROLOGICAL COMMENTATION

© 2022 M.A. Dudareva¹, D.A. Aripova²

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru*

*Daria A. Aripova, Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages №2*

Institute of Linguistics and Intercultural Communication

E-mail: aripovad@mail.ru

¹Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

²Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russia

The object of the article is the poetry rhizome phenomenon which has the qualities of apophaticism. The subject of the research is apophaticism of poetry. The material for the article is represented by well-known essays on art by two representatives of the Silver Age, K.D. Balmont and S.A. Yesenin. The cultural and philosophical analysis focuses on the interrelation of the Logos and silence, the phenomenal and the noumenal, the rational and pre-rational in the poets' essays "Poetry as Magic" and "Mary's Keys". Much attention is paid to the problem of metaphysics in creativity, its apophatic aspect in the Russian cosmo-psycho-logos, which is crucially important for understanding the ontological issues connected with the writers' creativity. The research methodology involves the holistic onto-hermeneutic analysis aimed at highlighting the cultural potential of the given works of art, which makes it possible to describe the importance of the poetic word for a Russian in culturological terms, to delve into the specifics of the national way of life. Much attention is paid to the comparison of the two essays on art in the folkloristic and mythological aspect, as created by the Symbolist poet and the Imaginist poet at the same time. The research results may be of interest for literary historians who treat literature in the aspect of its inclusion in the space of a broader dialogue of cultures. Additionally, they may be used in teaching cultural studies and Russian philosophy.

Keywords: Russian culture and literature, apophaticism, rhizome, sacral text of culture, K. Balmont's creative art, S. Yesenin's essay "Mary's Keys", ontological

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-47-51

1. Bal'mont, K. D. O russkoj literature. Vospominanija i razdum'ja. 1892– 1936 (About Russian literature. Memories and reflections. 1892– 1936). — M.: Algoritm, 2007. — 431 s.
2. Bal'mont, K. D. Pojezija kak volshebstvo (Poetry is like magic). — M.: RIPOL klassik, 2020. — 206 s.
3. Bogatyrev, D. K., Bogatyreva, L. V. Noumen russkoj klassiki (Noumenon of Russian classics). Vestnik Russkoj hristianskoj akademii. — 2017. — T. 18. — Vyp. 3. — S. 245–263.
4. Borev, Ju.B. Jestetika (Aesthetics). — M.: Politizdat, 1988. — 496 s.
5. Gachev, G. D. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos (National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos). M.: Progress — Kul'tura, 1995. — 480 s.
6. Gachev, G. D. Obrazy Indii (Images of India). — M.: Nauka, 1993. — 390 s.
7. Dudareva, M. A. Kul'turno-civilizacionnyj fenomen russkoj intelligencii: ot fol'klora k literature (na primere traktata S. Esenina «Kljuchi Marii») (Cultural-civilizational phenomenon of Russian intelligentsia: from folklore to literature (on the example of the tract of S. Yesenin "Keys of Mary") // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologičeskie nauki. — 2020. — T. 72. - № 22. — S. 67–71.
8. Esenin, S. A. Kljuchi Marii (Keys of Mary). Sobr. soch.: v 7 t. — M.: Nauka; Golos, 1997. — T. 5. — S. 186–213.
9. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: the poetics of space and its crisis). — Ivanovo: ShGPU, 2010. — 358 s.
10. Okeanskij, V. P., Okeanskaja, Zh.L. «Mlechnaja doroga» — ot Pushkina k Bal'montu ("Milky Road" - from Pushkin to Balmont). Solnechnaja prjazha: nauchno-populjarnyj i literaturno-hudozhestvennyj al'manah. — Shuja: Izdatel'stvo Shujskogo filiala IvGU, 2020. — Vyp. 14. — S. 16–22.
11. Sinel'nikova, L. N. Rizoma i diskurs intermedial'nosti (Rhizome and Discourse of Intermediality). Russian Journal of Linguistics. — 2017. — T. 21, № 4. — S. 805–821.
12. Shubnikova-Guseva, N. I. Eseninskaja azbuka, ili «Alfavit nepročitannoj gramoty» (Yesenin's alphabet, or "Alphabet of an unread letter"). Sovremennoe eseninovedenie. — 2017. — № 3 (42). — S. 16–21.
13. Jeliade, M. Svjashhennoe i mirskoe (Sacred and mundane). — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. — 144 s.